

дения таких принципиальных и неожиданных выводов. В какой степени они отражают историческую истину, а в какой настроения левой европейской интеллигенции, стремящейся десакрализировать историю и в любой ситуации найти сугубо материальные и политические пружины действия? На этот вопрос нельзя отвечать умозрительно.

Единственно чего читатель не находит во вступительной статье к изданию – литературного анализа очень интересного текста “Жития”. Однако расстраиваться по этому поводу явно преждевременно. Уже широко анонсируется (а может быть, сейчас уже и вышло) исследование М.-Ф. Озепи, озаглавленное

“Агиография и иконоборчество (Житие Стефана Нового)”, которое должно составить (или уже составило) пятый том той же серии, в которой вышла и обсуждаемая книга. Зная направление работ французской исследовательницы, можно предполагать, что литературоведческая проблематика занимает в этом исследовании достойное место. “Житие Стефана Нового” – предмет многолетних занятий М.-Ф. Озепи. Рецензируемое издание – свидетельство того, сколь плодотворным может быть комплексное и всестороннее изучение литературного памятника.

Я.Н. Любарский

Corrigan K. Visual Polemics in the Ninth-Century Byzantine Psalters. Cambridge Mass. Univ. Press, 1992. 325 p. 86 ill.

Рецензию на книгу К. Корриган можно начать словами, служащими обыкновенно вступлением к сказкам: “Это старая и запутанная история...”. Книга посвящена миниатюрам псалтирей IX в. с иллюстрациями на полях (ГИМ. Хлуд. гр. 129д, Pantocrator 61 и Paris Bibl. Nat. gr.20) и носит всеобъемлющий характер: автор затрагивает практически все проблемы, когда-либо ставившиеся в научной литературе в связи с этой группой манускриптов. В ней также представлены самые разные методы исследования: художественный анализ миниатюр как современных поименованным псалтирям рукописей, созданных в Византии и на христианском Востоке, и каролингских манускриптов, так и более поздних, а также кодикологическое и палеографическое их исследование. Огромное значение имеет, кроме того, обращение к дошедшим до нас текстам IX в., принадлежащим представителям партии иконопочитателей – патриархам Никифору (Antirrheticus, Refutatio et Eversio), Мефодию (Канон на восстановление священных образов, Синодик православия), Фотию (Гомилии), Иоанну Дамаскину (Contra imaginum calumpniatores orationes tres, О святых иконах, О ересях), Феодору Студиту (Antirrheticus tres adversus Iconomachos) и др. В центре внимания К. Корриган – полемический характер иллюстраций псалтирей IX в., их уподобление устному диалогу – одной из наиболее распространенных в Византии форм опровержения политических и религиозных оппонентов в эпоху иконоборчества. Исследование содержит интереснейший и обширный материал о духовной жизни Византийской империи иконоборческого времени и перио-

да восстановления иконопочитания (840-е – 860-е годы), но избранная автором тема заставляет его везде, почти в каждой миниатюре, искать элементы полемики, что приводит иногда к тенденциозности в толковании изображений. Так, рассматривая вопрос достоверности священных текстов, в подделке и фальсификации которых часто обвиняли иконоборцев, исследовательница упоминает миниатюру псалтири Pantocrator 61 (к псалму 25:5), где представлены иконоборческий собор 815 г. и (слева) патриарх Никифор, отказавшийся принимать в нем участие. Среди участников собора узнаваем будущий патриарх Иоанн Грамматик со свитком, содержащим собрание цитат из патристических текстов, которые могли быть приведены в оправдание иконоборчества (этот документ был составлен по заказу Льва V). Далее автор отмечает, что свиток в руках Иоанна Грамматика отражает обвинение, выдвинутое на II Никейском соборе против иконоборцев в неправильной интерпретации и цитировании вне контекста патристических источников, что в данном случае получило отражение в изображении свитка (напоминающего таблицы с фрагментами текстов, использовавшихся иконоборцами во время собора в Иерии 754 г.), а не кодекса. Невозможно отрицать полемический характер этой миниатюры, однако трудно поверить, чтобы он проявился в такой мелкой детали.

Создатели псалтирей IX в. с маргинальными иллюстрациями и их идейные вдохновители “принадлежали к высшему слою византийского интеллектуального общества”. Их главной задачей была защита основ православия. Среди их главных оппонентов

К. Корриган называет иконоборцев, иудеев и мусульман, подчеркивая, что применявшиеся сторонниками почитания икон приемы полемики против столь разных соперников были подчас очень похожими. Безусловно, этот факт связан не только с обычным византийским пристрастием к традиции, канону, “привычной” схеме или формуле. Спорными моментами были прежде всего возможность изображения Христа, основанная на догмате о боговоплощении, и евангельское свидетельство о страстях и крестной смерти Спасителя. Таким образом, многие иллюстрации можно рассматривать как опровержение позиций сразу трех оппонентов, как миниатюру с Распятием и иконоборцами, замазывающими известный образ Христа. Часто используемый художественный прием изображения пророков (чаще всего Давида) рядом с евангельскими сценами предназначен для того, считает автор книги, чтобы акцентировать достоверность представленных событий. Основные аргументы в защиту православия были сформулированы значительно раньше в так называемой литературе *Adversus Judaeos*. Масштаб полемики с иудеями, кажется, несколько преувеличен автором. В изображениях новозаветных сцен, дающих аллюзию на ветхозаветные события, Христос действительно почти всегда противопоставлен иуде-

ям, однако такой способ построения изображения проистекает скорее из особенностей иллюстрируемого текста, где, как отметила Ф. Де Маффеи, *добро и зло* часто бывают противопоставленными¹.

Исходной предпосылкой исследования является идея о существовании прототипа иллюстрированной псалтири, возникшего в VIII в. в Сирии или Палестине, в котором преобладали буквальные иллюстрации. По мнению Корриган, их число в псалтирях IX в. заметно уменьшилось, а в тех случаях, когда такие изображения сохранились, им можно найти аналогии в миниатюрах Утрехтской и Штутгартской псалтирей. Большинство *типологических* иллюстраций было, напротив, создано уже в IX в.; именно иллюстрации такого типа, как полагает исследовательница, многозначные и требующие специального истолкования (или, правильнее сказать, сами основанные на сложных толкованиях текста псалтири), заняли господствующее место в манускриптах IX в. и стали носителями анти-иконоборческой полемики.

Псалтири IX в. с маргинальными иллюстрациями, с точки зрения состояния изученности, представляют собой удивительный феномен, напоминающий отражение в мутной воде: о них мало что можно сказать точно², и это немного – лишь размышления самого

¹ *De' Maffei F. Le figurazioni marginali del Salterio Khudov e l'iconoclastia // Bessarione. La Cristologia nei Padri della Chiesa. Roma, 1989. P. 35: «Псалтирь ... отличается от других книг Ветхого Завета, которые лишь указывают на зло, но не намечают пути его преодоления... в псалтири содержатся поступки “как тех, кто следует за завлечениями, так и тех, кто ими злоупотребляет”...».*

² Разногласия между учеными существуют по вопросам как времени, так и места создания псалтирей – Хлудовской, Pantocrator 61 и Paris gr. 20; большинство исследователей, однако, соглашаются с тем, что рукописи могли быть написаны и украшены миниатюрами уже после восстановления иконопочитания. Такого мнения придерживались Н.П. Кондаков (История византийского искусства по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1877.), Тикканен (*Tikkanen J. Die Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1895–1900*), И.И. Шевченко (*Ševčenko I. The anti-iconoclastic Poem in the Pantocrator Psalter // Cahiers Archéologiques. 1965. 1. P. 39–60*) – 840-е годы, А. Грабар (*Grabar A. L'iconoclastisme byzantin, dossier Archéologiques. P., 1957; Idem. Quelques notes sur les psautiers byzantins du IXe siècle // Cahiers Archéologiques. 1965. 15. P. 61–82*) – первое правление патриарха Фотия (858–876), С. Дюфренн (*Dufrenne S. Illustration des Psautiers grecs du Moyen Age. I. P., 1966*) – первое правление Фотия. Некоторые ученые, тем не менее, датируют псалтири вторым периодом иконоборчества: В.Н. Лазарев (История византийской живописи. М., 1986) – около 830 г., А. Фролов (*Frolov A. La fin de la querelle iconoclaste et la date des plus anciens psautiers grecs à illustration marginales // Revue de l'Histoire des Religions. 1963. 163. P. 201–223*) – между 815 и 837 гг., М.В. Щепкина (Миниатюры Хлудовской псалтири. Греческий иллюстрированный кодекс IX века. М., 1977) – между 828 и 837 гг. Относительно места создания рукописей было высказано несколько предположений, среди которых наибольшее число сторонников снискали две точки зрения: 1) в скриптории при константинопольском патриархате (*Malikij N. Le psautier à illustrations marginales du type Chludov est-il de provenance monastique. Melanges Th. Uspensky. II. P., 1932. P. 235–243; Lazarev V. Einige kritische Bemerkungen zum Chludov-Psalter // BZ. 1929–1930. (Bd. 29. S. 279–284 [Лазарев В.Н. Несколько критических замечаний о Хлудовской псалтири, Византийская живопись. М., 1971]; Grabar A. L'iconoclastisme byzantin...)*) и 2) в мастерской Студийского монастыря (*Кондаков Н.П. Миниатюры греческой рукописи псалтири IX века из собрания А.И. Хлудова в Москве, Древности // Труды МАО. 1878. VII. 3; Tikkanen J. Op. cit.; Stichel R. Zur Herkunft des griechischen Chludov Psalter // XXV Congrès International des études byzantines. Athens, 1976. II; Лозовая И.Е., Фонкич Б.Л. О происхождении Хлудовской Псалтири. Искусство рукописной книги Византия. Древняя Русь // Тезисы докладов международной конференции. Москва, 17–19 ноября 1998 г. СПб., 1998).*

общего плана. О времени и месте их создания было высказано множество самых разных гипотез, но ни одной нет более или менее надежного подтверждения. К. Корриган вносит свою лепту в эту затянувшуюся дискуссию, высказывая мнение, что псалтири были созданы в правление патриарха Мефодия (843–847) в скриптории Студийского монастыря, но рассуждения ее не выглядят вполне убедительными, как не выглядят достаточно убедительными статьи и гипотезы других авторов, посвященные этой проблеме.

Большим достоинством данной книги является важное для работы с таким материалом отсутствие категоричности и безапелляционности авторской позиции, нередко присущее научным исследованиям. Корриган не делает глобальных выводов, поэтому несколько спорных моментов, связанных по преимуществу с истолкованием смысла отдельных миниатюр, не наносят ущерба ее целостной и разумной концепции.

И.А. Орецкая

Natalia B. Teteriatnikov. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. – Orientalia Christiana Analecta. 252. Roma, 1996

Книга Н.Б. Тетерятниковой посвящена проблемам взаимосвязи архитектурной планировки церкви и литургии в одной из провинций Византийской империи – Каппадокии. Основными целями ее исследования являются: определение функционального назначения и использования различных помещений каппадокийских храмов; выявление эволюции церковных планов с раннехристианского времени до XIII в.; обозначение отличительных особенностей архитектурной планировки церквей Каппадокии по сравнению с памятниками Константинополя, Греции, Сирии, Палестины, Армении, Грузии.

По описанию пещерных храмов Каппадокии было предпринято множество работ в течение всего XX в. В этих исследованиях не раз отмечалось своеобразие этого искусства, обсуждалась проблема его провинциализма и/или самостоятельности¹. При этом проблемы каппадокийского искусства рассматривались в большинстве случаев на примере одного или нескольких храмов. Обобщающие исследования в данной области только начинают появляться². Н.Б. Тетерятникова в своей книге выбирает одну из сквозных тем каппадокийского искусства, результаты изучения которой важны для понимания всей византийской культуры. Анализируя организацию каппадокийских храмов, исследовательница постоянно фиксирует типичность или самобытность определенных их черт в контексте византийского искусства.

Книга состоит из пяти глав. Первые три посвящены описанию структуры каппадокийских церквей: I – святилища, II – наоса, III – входа (понимаемого в данном случае как

входной компартимент, что позволяет анализировать в этой главе портик и нартекс). Предметом изучения в четвертой главе является местонахождение погребений и практика поминовения. Вопрос происхождения и эволюции мест захоронений взаимосвязан с развитием литургической планировки церкви. Идентификация отдельных погребений, анализ надписей и донаторских портретов предоставляет богатый материал об основателях и патронах церквей. Исследование этого материала в пятой заключительной главе позволяет рассмотреть состав и структуру каппадокийского общества.

В первой главе (с. 33–78) изучается все многообразие планов (одноапсидные, многоапсидные, крестообразные, церкви с поперечным нефом, базиликальные и т.д.) и перечислены все составляющие каппадокийского святилища в ранневизантийский и средневизантийский периоды (форма апсиды, положение алтаря, ниши жертвенника, синтрона, амвона и др.). Один из важнейших выводов: боковые апсиды в многочастных святилищах – не жертвенник и диаконник, а дополнительные независимые святилища. Этот факт объясняется необходимостью служения литургий и других служб в один и тот же день в одной церкви, а совершать литургию более одного раза на одном алтаре в один день было запрещено. Феномен существования нескольких святилищ в одной церкви имеет много параллелей с организацией святилищ Палестины, Сирии, Египта, Грузии, Армении. По мнению Н.Б. Тетерятниковой, он характерен для среды негородского монашества. Несмотря на постоянно подчеркиваемые

¹ Прежде всего, это книги и статьи: A.W. Epstein, G. de Jerphanion, J. Lafontaine-Dosogne, M. Restle, H. Rott, N. Thiery, G. Schiemenz.

² Среди них в первую очередь стоит назвать книгу: Jolivet-Lévy C. Les Eglises Byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991.